Научная статья
УДК 343.3/.7
https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.17

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ АНАЛИЗЕ, ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

Елена Анатольевна Пащенко

Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (д. 70, ул. Пушкинская, Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
pashenkoea@mail.ru; https://orcid.org/0009-0006-7482-9390

Аннотация. ***Введение.*** Нормы советского и российского уголовного законодательства о преступлениях террористической направленности, проанализированные в историческом и современном ракурсах, позволяют рассматривать влияние юридический техники и качества уголовно-правового запрета на состояние уровня преступности. ***Материалы и методы.*** В работе исследован уголовно-политический метод криминализации, но с позиции изменения его объема во времени. Методологическую основу составили системный метод, анализ и синтез, сравнительно-исторический метод. ***Анализ.*** Проанализированы количественные и качественные изменения уголовно-правовых норм террористической направленности и соотнесено состояние уголовного законодательства со статистическими показателями преступлений данного вида. Основной целью является формирование с учетом причин террористической активности действенных правовых решений антитеррористической направленности. ***Результаты.*** Выводные положения, предложенные автором, сводятся к тому, что содержание уголовно-правовых запретов террористической направленности исторически подвергается кардинальному качественному изменению и включает деяния, различные по объекту посягательств. При этом именно расширение перечня составов преступлений влекло за собой положительную динамику данной преступности. В связи с чем целесообразно рассматривать изменение количества совершенных преступлений террористического характера в соотношении с разновидностью посягательств преступлений и их терминологической корректностью. В статье рассмотрены вопросы этапности формирования правовых запретов за совершение преступлений террористической направленности, на этом фоне выделены качественные конструктивные недоработки в уголовных законах 1922, 1926 и 1960 года. Формирование уголовно-правовых запретов не было лишено конструктивных и содержательных проблем. Автор обращает внимание на понятийный аппарат с присущей ему терминологической невыдержанностью, в том числе используемые ранее законодателем понятия терроризма, террористического акта, террористической акции.

Ключевые слова*:* терроризм, террористический акт, меры предупреждения, уголовно-правовое реагирование

Для цитирования: Пащенко Е. А. Преступления террористической направленности в ретроспективном анализе, их эффективность и самодостаточность // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 152–159. https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.17

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2023.
Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.
Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

TERRORIST CRIMES IN A RETROSPECTIVE ANALYSIS, THEIR EFFECTIVENESS AND SELF-SUFFICIENCY

Elena A. Pashenko

South-Russian Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor
pashenkoea@mail.ru; https://orcid.org/0009-0006-7482-9390

Annotation. ***Introduction.*** The norms of the Soviet and Russian criminal legislation on terrorist crimes analyzed in historical and modern perspectives allow us to consider the impact of legal technique and the quality of the criminal law prohibition on the state of crime rate. ***Materials and Methods.*** The paper investigates the criminal-political method of criminalization, but from the position of changing its volume over time. The methodological basis was the system method, analysis and synthesis, and the comparative historical method. ***Analysis.*** Quantitative and qualitative changes in the criminal law norms on terrorist crimes are analyzed and the state of criminal legislation is correlated with the statistical indicators of the crimes under consideration. The main goal is to form, taking into account the causes of terrorist activity, effective legal solutions of an anti-terrorist orientation. ***Results.*** The concludes that the content of criminal law prohibitions of terrorist activity historically underwent a fundamental qualitative change and currently includes acts that are different in terms of the object of encroachment. At the same time, it was the expansion of the list of offenses that led to the positive dynamics of this crime. In this connection, it is advisable to consider the change in the number of committed crimes of a terrorist nature in relation to the type of crimes committed and their terminological correctness. The article deals with the issues of the stages of forming legal prohibitions for terrorist crimes, against this background, qualitative design flaws in the criminal laws of 1922, 1926 and 1960 are highlighted. The formation of criminal law prohibitions was not devoid of constructive and substantive problems. The author draws attention to previously used conceptual apparatus including the concepts of terrorism, a terrorist act, a terrorist action, and its inherent terminological inconsistency.

Keywords: terrorism, terrorist act, preventive measures, criminal law response

For citation: Pashenko EA. Terrorist crimes in a retrospective analysis, their effectiveness and self-sufficiency. *Humanities and law research*. 2024;11(1):152-159. (In Russian). https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.17

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.09.2023.
The article was approved after reviewing: 18.11.2023.
The article was accepted for publication: 25.12.2023.

© Пащенко Е. А., 2024

Введение/ *Introduction.*Проблема терроризма настолько не нова, насколько не вчера появились мнения о причинах любого неконструктивного поведения. Исследования причин терроризма сводятся к политическим и историческим попыткам сопоставить народное недовольство государственным управлением и ответным реагированием населения. Такие мнения, безусловно, авторитетны и уважаемы, это позиции, которые выработаны на платформе анализа мотивов, побуждающих террористов всех времен и территорий, действовать с целью оказания влияния на государственные институты.

Террористические атаки, известные истории – это как акции отмщения, так и акции предупреждения или влияния на последующие решения, принимаемые государственной властью. Политические настроения в террористической деятельности выступают обязательным атрибутом и в случае отсутствия – исключают в деянии наличие террористического содержания.

С 2010 г. по настоящее время фиксируется последовательное увеличение преступлений террористического характера. Значение показателей, приведенных на Портале правовой статистики следующее: в 2010 г. зарегистрировано 581 преступление, в 2022 г. – 2233 преступления [7]. Такой прирост свидетельствует о необходимости поиска либо обновленных законодательных конструкций, которые выступят барьером совершения преступлений террористического характера, либо криминологических мер противодействия данной преступности.

Материалы и методы / *Materials and methods.*Объяснение интереса к вопросу повышения эффективности противодействия угрозам террористического характера в настоящее время оправдано их увеличением. Сопоставление уголовно-политического усмотрения, уголовно-правовых запретов и статистических данных преступности террористической направленности позволяет говорить в срезе анализа нормативного материала о том, какое направление противодействия является наиболее результативным.

Автором исследованы нормативные материалы в области противодействия преступности советского и российского периодов. Синхронно автором предложено мнение об особенностях преступлений террористической направленности и возможности отнести их к идеологическому политическому негативному явлению, что требует исключительно комплексной системы противодействия, в которой определяющая роль не принадлежит уголовному закону.

Анализ / *Analysis.*В историческом движении рассматриваемого негативного явления, вычленяются этапы раннего терроризма, терроризма новой и новейшей истории. Если присмотреться к каждому периоду и выявить глобальные причины этапного терроризма, то обнаружение политических причин не заставит себя ждать.

Присутствуют мнения о разделении политического и экономического детерминанта терроризма, по-нашему же мнению, рафинирование этих причин достаточно сложно и в системе любого государства политические и экономические условия взаимосвязаны. Ю. С. Горбунов высказался о главном отличии этапов развития раннего терроризма, заключающемся в том, что насилие, лежащее в основе государственного терроризма, кроме политической, имело еще и экономическую мотивацию. Как представляется, именно эта историческая особенность раннего терроризма - частичная его экономическая мотивация - послужила причиной квалификации уже всего терроризма после Великой французской революции исключительно как политического, что, по мнению некоторых исследователей, и послужило отправной точкой в его истории [1, с.14].

Можно позволить себе говорить о терроризме в его подвидовой характеристике, но в любой религиозной фанатичности или подготовке смертников с помощью формирования наркотической зависимости (метод хашашинов), использования крайних причин и способов терроризма, на поверхности окажутся политические несогласия с отдельными решениями или системой политических взглядов. Ретроспективное наблюдение позволяет констатировать глубочайшие политические разногласия, выступившие первопричиной террористической активности.

Упрощение оценки или причин терроризма – это не позиция автора, но в этом сложном, многогранном негативном явлении можно установить закономерности. Выявление закономерностей не относится к примитивному видению явления, реализация данного подхода дает возможность оценить существующие террористические угрозы и прогнозировать эффективность противодействия.

Видение терроризма происходит через призму этапов правового регулирования противодействия. Этапность позволяет выделять досоветское правовое реагирование, советское правовое реагирование и постсоветский период правового противодействия. В каждом периоде следует говорить о комплексном уголовно-правовом и криминологическом противодействии и отражении результатов такого противодействия на показателях уголовно-правовой статистики. Неизбежность сопоставительных оценок заключается во внимательном отношении к причинному комплексу преступности террористической направленности. Определенно, у каждого исторического периода социально-психологический потрет террориста имеет свой набор признаков, и в отрыве от политико-экономических причин этот портрет не формируется.

Ю. С. Горбунов отмечает надуманность выделения в качестве разновидности терроризма политический терроризм, полагая, что вся террористическая практика свидетельствует, что терроризм с момента своего возникновения является исключительно политическим явлением. Как только в терроризме исчезает политическая цель, этот вид насилия перестает быть терроризмом [1, с.11].

Обратимся к анализу правовых мер противодействия терроризму и проведем обязательную параллель с количеством посягательств террористической направленности в каждом историческом этапе. При этом, можно много и долго обсуждать конструктивные особенности правовых запретов, их качественное несовершенство, а, иногда, даже дефектность, но, по нашему мнению, речь должна идти о другом. Поразмышляем над эффективностью противодействия терроризму мерами уголовно-правового характера с позиции видения терроризма на разных этапах совершенно особенными деяниями. Не в предмете сегодняшнего разговора спор о понятии терроризма, его историческом разнообразии и терминологическом наполнении. Хотя несколько слов и об этом. Понятие терроризма в сегодняшнем содержании сформировалось, относительно исторических интервалов, недавно, только в уголовном законе 1960 года, когда в нем появилась ответственность за терроризм. От примеров индивидуального насилия, которым являлся террористический акт на протяжении почти столетия, законодатель пришел ко взрывам, поджогам, другим атакам на общественную безопасность. Небезупречно выглядело наличие собирательного существительного в правовом акте, но другая конструкция не использовалась законодателем вплоть до 2006 г., до изменения законодателем конструкции Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ [19].

Не будем заблуждаться относительно объективно высокого уровня террористической активности. При условии постоянства террористических угроз в обществе, а они зафиксированы с I в. н.э, сегодняшнее состояние опасности соответствует массовой вовлеченности общества в деяния, посягающие на общественную безопасность. Причины такого уровня опасности заключаются в появлении новых технических, технологических способов совершения преступлений террористической направленности, расширения идей, которым следуют террористы.

Рассмотрим исторические этапы уголовно-правового противодействия преступности террористической направленности. Внимание следует обратить не только на содержание правового запрета, но и на пенализационные критерии. Преодоление высокого уровня террористических угроз силами только максимально строгих наказаний невозможно, а реалистично при объединении двух составляющих: выверенных конструкций уголовного закона и научно обдуманной криминологической работе.

История правового противодействия терроризму знает примеры принятия категоричных мер. Для каждого исторического этапа, в котором усиливалась террористическая деятельность, характерны наборы своих правовых барьеров. Сложный политический и социальных период для России начала XX в. заставил отыскивать такие способы снижения террористической активности, которые имеют резко ультимативный оттенок. Так, комплекс средств в границах 1903 – 1906 гг. включал в себя «законы об усилении уголовной ответственности военнослужащих за государственные преступления, об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче дел по данным преступлениям в ведомство военных и военно-морских судов, а также о предоставлении генерал-губернаторам права создавать особые военно-полевые суды, рассматривавшие дела без производства предварительного дознания, без допроса свидетелей, без права

кассации и без конфирмации (утверждение высшей властью судебного приговора) приговора» [2].

После революции 1917 г. меры противодействия терроризма также не уходили в криминологическую или доктринально-правовую плоскость. Необходимо было отсекать террористические настроения, и законодатель избрал чрезвычайные формы нормативного противостояния, Постановление Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» допускало террористическую деятельность как способ реагирования на инициативный шаг, объяснив право на террор как «прямую необходимость» [12].

Дальнейший период представлен первым советским кодифицированным актом - УК РСФСР 1922 года [15], кодекс включал Общую и Особенную части и глава «О государственных преступлениях» содержала ст. 64 УК РСФСР об ответственности за организацию и участие в террористических актах в контрреволюционных целях, направленных против советской власти в лице ее представителей и деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций. И ст. 68 УК РСФСР, определяющую ответственность за укрывательство и пособничество в совершении теракта при отсутствии непосредственного участия в нем. По мнению М. Ф. Мусаеляна [5, с. 39] в кодификаторе 1922 г. впервые введено понятие террористического акта, однако, при анализе текста содержание понятия не определяется, а имеет место только его упоминание без содержательного раскрытия.

Т. Б. Исаева [4] приводит мнение о прецедентном характере юридических документов и отсутствии обобщающих норм. Советское законодательство рядом постановлений высших органов государственной власти указало круг лиц, посягательство на которые при определенных условиях должно быть признано террористическим актом. Как террористический акт должно быть квалифицировано убийство корреспондентов рабочей и крестьянской печати, совершенное в связи с их корреспондентской деятельностью [8], посягательство на учителей-общественников с целью противодействия культурной и общественной деятельности учительства со стороны кулачества и других классовых врагов [6], посягательство на членов комиссий содействия проведению хлебозаготовок [10], убийство женщин Востока за снятие чадры, расторжение религиозного брака, за участие в общественной работе [11] и т.д. К террористическим актам советское законодательство данного периода относит также «повреждение или уничтожение путем поджога имущества, принадлежащего представителю Советской власти или общественному работнику, совершенное в виде акта классовой мести» [12].

В УК РСФСР 1926 г. [16] традиции построения системы не изменились, Особенную часть открывали государственные контрреволюционные преступления. Ст. 58 УК РСФСР 1926 г. содержала признаки деяния об ответственности за совершение терактов против представителей советской власти или деятелей, революционных рабочих и крестьянских организаций. С кодификатора 1926 г. начинается период как расширения норм террористической направленности, так и повышения внимания к качеству правовых конструкций.

Следующим этапом нормативного закрепления составов преступлений террористической направленности стало принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [14]. В кодексе определение терроризма отсутствовало, но появились описательные диспозиции, например, ст. 66 – Террористический акт, ст. 67 - Террористический акт против представителя иностранного государства.

В 1994 г. законодатель, дополняет УК РСФСР 1960 г. ст. 213.3 - Терроризм и ст. 213.4 – Заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Таким образом, в законе находятся нормы ответственности за террористический акт и терроризм. Террористическим актом, по-прежнему, выступает убийство государственного или общественного деятеля либо представителя власти, совершенное по политическим мотивам. Понятие терроризма, в созвучном с современным содержанием, в уголовном законе стартует с принятия Федерального закона от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [17]. Законодатель сформулировал понятие терроризма как совершение многообъектного деяния в виде взрыва, поджога или иного акта, угрожающего жизни, имуществу или иным отношениям.

Обратимся к новейшему периоду уголовно-правового противодействия терроризму. Безупречным правовое регулирование

назвать сложно, вывод такой следует из анализа хронологических рамок, в 1996 г. законодатель принимает действующий уголовный закон [13], который вступил в силу с 1 января 1997 г., а в 1998 г. принят закон «О борьбе с терроризмом» [18]. С 1998 г. в Российской Федерации в равнозначных законах используются два разных понятия терроризма, в УК РФ так называлась до 2006 г. статья 205 УК РФ, устанавливающая ответственность за устрашающие население взрывы, поджоги и иные действия, совершенные со специальной целью. Терроризм же в законе о борьбе с таковым – это насилие или угроза в отношении лиц или организаций [18].

Сложно не упомянуть и такое терминологическое противоречие как понятие в уголовном законе террористического акта, и с аналогичным наполнением использование в законе «О борьбе с терроризмом» понятия террористической акции.

Что же стоит за некорректностью законодательства о противодействии терроризму? Помимо упоминаний о нарушении требований к качеству законодательной техники на всем протяжении XX в., предлагаю обратить внимание на тенденции развития уголовного антитеррористического законодательства. При сопоставлении кодификаторов 1922, 1926, 1960 и 1996 гг. на первый план выходит последовательная криминализация и пенализация. Обоснованием такой политической воли законодателя выступает повышение количества и качества террористических угроз, это увеличение объективно, пропорционально развитию цифровых технологий и вовлеченности в них общества, возрастает использование преступниками информационных методов.

В террористическую деятельность вовлечено большое количество людей, но с этого аргумента начинаем сопоставление правовых запретов и данных о количественной причастности к преступлениям террористической направленности. Террористические всплески наблюдались в начале XX в., в период Второй мировой войны (территории Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины). К периоду 1970 – 1980-х гг. наблюдается снижение террористической активности, но в этот период информация о террористической деятельности была засекречена, поэтому рассматривать существующие показатели как объективные сложно. Террористические акты совершались, их, безусловно, было мало, но и о единичных случаях информация не сообщалась. Террористические агрессии коснулись Л. И. Брежнева, и по случайности оказавшегося на его месте космонавта А. А. Леонова в 1969 г., в 1970 г. угона самолета в Турцию; и пассажиров московского метров 1977 г., когда на станции «Измайловская» от совершенного членами армянской сепаратистской группы погибли 7 человек. «Громкое» дело, а потом даже экранизированное преступление в 1988 г. было совершено семьей Овечкиных при совершении полета Иркутск – Ленинград и в том же 1988 г. еще один теракт – захват заложников школьного автобуса в г. Орджоникидзе с требованием о предоставлении самолета и полетом на нем в Израиль.

Следующий период активизации террористической деятельности приходится на 90-е гг. XX в. Государство столкнулось с религиозно-политическим терроризмом, вовлеченность в его совершение крайне высокая, наблюдаются региональные особенности, проявления национальной, конфессиональной, социальной обостренности. Самые громкие, резонансные, циничные и кровопролитные теракты пришлись на 90-е и начало 2000-х гг., это Буденновск, Кизляр, Москва, Беслан и многие другие.

С началом увеличения количественной причастности к террористической деятельности законодатель зеркально увеличивает ответственность за преступления террористической направленности. Первые криминализационные решения касались действий, выражающих прямое содействие террористам. Далее косвенная прикосновенность к деяниям террористического характера также становится уголовно-наказуемой.

Доля преступлений террористической направленности, по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, имеет преимущественно положительную динамику. 2009–654, 2010–581, 2011–622, 2012–637, 2013–661, 2014–1128, 2015–1538, 2016–2227, 2017–1871, 2018–1679, 2019–1806, 2020–2342, 2021–2136, январь-август 2022 – 1647. При парном соотношении уровня преступности и числа правовых запретов выявляется обоюдное увеличение показателей.

Условия, которые предлагают населению новые политические и социальные ребусы, требуют подготовки для возможности качественной оценки всех решений, принимаемых на высшем уровне государственного

управления. Население должно быть к таким решениям готово, и сейчас все усилия направлены на исключение необдуманных, спонтанных оценок. Чаще всего такие оценки объясняются дефицитом исторического, общественного, правового знания. Без восполнения таковых пробелов со сложностями в противодействии социальным причинам преступности террористической направленности государство будет сталкиваться.

Результаты / *Results.* Итожим, соотношение составов преступлений террористической направленности и показателей преступности этого вида находится в прямой корреляции. Увеличение количества запретов пропорционально увеличивает количество зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших. И от того, чем наполняет законодатель понятие террористического акта, зависит какое объективное поле будет находиться во внимании правоохранителей. В исторической ретроспективе, когда в определении террористического акта было только насилие над личностью государственного или общественного деятеля, число терактов было значительно ниже, а политическое противостояние очевидней. Когда к террористической деятельности относятся все виды информационной, финансовой, интеллектуальной, организационной поддержки, количество террористически направленных деяний резко возрастает, и политическая мотивационная направленность сокращается.

По мнению Никиты Георгиевича Иванова: «терроризм является не уголовным преступлением, а преступлением политическим, и негативный оттенок явления зависит исключительно от восприятий этого средства упрочения режима или установления торжества намеченных целей от позиции правящего демиурга» [3, с. 32 – 37]. Присоединившись к этой точке зрения, средством эффективного противодействия террористической активности является не замкнутое пространство уголовного закона. Терминологическая чистота, конечно, должна быть, требования юридической техники должны соблюдаться, но только решением этих вопросов мы не повлияем на количественные показатели террористической деятельности.

Поможет ли в поиске истины рассмотрение частных вопросов юридической техники? Спорно. Рассмотрение и направление ожиданий в сторону законодателя, безусловно, необходимо. Но помощи в этом направлении ждет только правоприменитель, измученный ребусами квалификации и постоянно взывающий высшую судебную инстанцию к разъяснению и толкованию существующих спорных конструкций. Ни деформация системы норм Особенной части, ни ее противоречие положениям части Общей не нарушает комплексности противодействия терроризму. Видение терроризма как идеологического политического негативного явления и умение применять комплексное противодействие, которое не «замкнется» на уголовном законе, возможность в преддверии веховых политических и экономических событий криминалистическими, криминологическими, уголовно-политическими силами реализовать предупредительный барьер.

Литература

1. Горбунов Ю. С. Зарождение терроризма // История государства и права. 2007. № 17. С. 11–15.
2. Горбунов Ю. С. Уголовно-правовая квалификация терроризма: история, теория и практика // Журнал российского права. 2006. №12. С. 98–107.
3. Иванов Н. Г. Рассуждения о терроризме в рамках андеграунда // Уголовное судопроизводство. 2021. №1. С. 32– 37.
4. Исаева Т. Б. Законодательство и наука советского государства о терроризме // История государства и права. 2009. №1. С. 34–36.
5. Мусаелян М. Ф. Историко-правовое развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России в XX в. // История государства и права. 2009. №14. С. 39–42.
6. НКЮ РСФСР. Циркуляр N 101 от 1929 г. URL: https://istmat.org/node/30617 (дата обращения: 15.05.2023).
7. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (дата обращения 10.05.2023).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 1 ноября 1924 г. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 марта 1931 г. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 8 марта 1930 г. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).

11. Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 февраля 1930 г. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).
12. Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» // СУ РСФСР, 1918, № 65, ст. 710. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
14. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.05.2023).
15. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80. Ст. 153. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).
16. Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).
17. Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ (ред. от 18.12.2001) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства РФ, 04.07.1994, № 10, ст. 1109. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).
18. Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ (ред. от 21.11.2002) «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3808. Утратил силу. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.05.2023).
19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).

References

1. Gorbunov YuS. The origin of terrorism. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2007;(17):11-15. (In Russ.).
2. Gorbunov YuS. Criminal Law Qualification of Terrorism: History, Theory and Practice. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2006;(12):98-107. (In Russ.).
3. Ivanov NG. Reasoning about terrorism within the framework of the underground. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 2021;(1):32-37. (In Russ.).
4. Isaeva TB. Legislation and science of the Soviet state on terrorism. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2009;(1):34-36. (In Russ.).
5. Musaelyan MF. Historical and legal development of criminal legislation on liability for terrorism in Russia in the 20th century. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2009;(14):39-42. (In Russ.).
6. NKJ RSFSR. Circular N 101 of 1929. URL: https://istmat.org/node/30617 (accessed: 15.05.2023). (In Russ.).
7. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (accessed: 05.10.2023). (In Russ.).
8. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of November 1, 1924. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of March 26, 1931. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of March 8, 1930. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
11. Decree of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR of February 16, 1930. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
12. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 09.05.1918 “On the Red Terror”. SU RSFSR, 1918;65(710). URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
13. Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996 No. 63-FZ in Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996;25(2954).
14. Criminal Code of the RSFSR in Bulletin of the RSFSR Supreme Soviet. 1960;40(591). URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 10.05.2023).
15. Criminal Code of the RSFSR in Collection of legalizations and orders of the RCP RSFSR. 1922;80(153). URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
16. Criminal Code of the RSFSR. SU RSFSR. 1926;80(600). URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
17. Federal Law of July 1, 1994 No. 10-FZ (as amended on December 18, 2001) “On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure of the RSFSR”. Collected Legislation of the Russian Federation, 1994;10(1109). URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).
18. Federal Law No. 130-FZ of July 25, 1998 (as amended on November 21, 2002) “On Combating Terrorism”. Collection of Legislation of the Russian Federation, 1998;31(3808). Lost strength. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 15.05.2023).

19. Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006 (as amended on December 21, 2021) “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On the Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism” and the Federal Law “On countering terrorism”. URL: http://www.consultant.ru/ (accessed: 20.05.2023).